

Правда, все это острые темы, но зачем их избегать? Чем объяснить, что армянские киноработники избегают этих острых тем?

Тов. Сталин высказал мысль, что эти актеры с такой техникой, если бы взялись за тему показа Армении, не боясь острых проблем, могли бы дать прекрасную и по технике и по содержанию картину.

Надеюсь, что эта замечательная оценка и критика картины "Гэпо" и указания тов. Сталина в каком направлении должно развиваться армянское киноискусство и какую картину в ближайшее время должно дать, послужит поворотным моментом в развитии армянского киноискусства.

С приветом А. Микоян

З А Н Г Е З У Р

Авторский сценарий
АКСЕЛ БАКУНЦ

Предраcсветная тишина.

Тучи медленно поднимаются из ущелья.

Пейзаж Зангезура: из глубокого ущелья вверх, по высоким скалам, на вершине которых расположилось село "Медовая скала". В скале раскрывается дверца. Ата-апер¹ выходит из дома и приставив ладонь ко лбу, смотрит на солнце, смотрит вниз. Еще нет солнца. В ущелье густые тени.

Ата-апер спускается по ступенькам, высеченным в скале, спускается медленно, и кажется, что вместе с его ногами ступеньки поют далеко, очень далеко...

Сельская кузня.

Перед кузней — Ата-апер и двое крестьян.

Кузнец — Макич. Он чинит плуг Ата-апера, и в этой работе ему помогает сын Ата-апера, Левон, юноша в солдатской форме.

Кузнец и работает и беседует.

- Где не ступит Красная армия - там мир между народами ... я сам это видел.

Ата-апер спрашивает:

¹Апер — гягя, отец, geg.

- А кто они, русские?
- Есть и русские, и армяне, и тюрки.
- И тюрки? — удивляется Ата-апер. — Добро б только русские...
- Вот дай бог придут, и сами увидите.

При этих словах один из них незаметно подходит к Макичу и внимательно разглядывает его. Потом он тайком достает из кармана фотокарточку и смотрит то на нее, то на Макича, - как бы желая установить, он ли это. Это — он. Человек отходит.

- Не знаю, сказку рассказываешь или правду говоришь, но руки у тебя золотые...

Ата-апер произносит эти слова после тщательного осмотра плуга. Левон и Макич переглядываются, улыбаются и понимают друг друга.

- Вот, учись, - обращается Ата-апер к сыну, тащившему плуг из кузницы. — По части речей ты горазд... Мы бы пропали без него. И Ата-апер навязчив вместе с сыном плуг на лошадь, уходит.

В кузне Макич кует новый лемех.

II

Высокий склон горы.

Вокруг чисто от туч, но в глубине они еще видны, и чем выше поднимаются тучи, тем все новые и новые вершины обнажаются вдали. Кажется, словно Зангезур расположен выше туч.

Плуг проложил первую борозду.

Плугарь — Ата-апер. Первой парой волов правит его сын Левон; второй — юноша по имени Пухан, третьей — другой, и так до седьмой, последней пары.

Все они, кроме Ата-апера, вооружены ружьями. Это странное зрелище было характерно для тех годов (1917-1920), когда вооруженный народ сеял, пахал и воевал в тех же горах, где были его земли.

- Погоняй, погоняй! — говорит Ата-апер сыну, - речи говорить ты горазд... "Армяне, в сей роковой час, когда наш исконный враг" ...последнюю фразу Ата-апер произносит с иронией, подражая крикливому голосу варжапета¹ Гедеона.

Погонщики волов хохочут, а Пухан кричит, "урра!" и натяливает папаху волю на рога.

Его прерывает Ата-апер, выкрикнув:

- Озра! ... Озра! ...

Ата-апер - подлинный зангезурец. Пахать и сеять от зари до зари не

¹Варжапет — учитель. В переносном смысле - гашнакский интеллигент, в недавнем прошлом играющий руководящую политическую роль.

покладая рук, - вот, по его убеждениям, труд, достойный человека. Остальное — собрания, речи и прочее — занятие пустых людей. Он против войны, но она для него такая же роковая неизбежность, как, скажем, град. Человек бессилён предпринимать что бы то ни было против войны.

III

Сельский "штаб" — так называли государственные установления в Зангезуре.

Кузнец в фартуке, вымазанной сажей, словно он в кузне. За ним человек, который слышал фотокарточку, глядя на него.

- Ты из Баку? — спрашивает комиссар.

- Да.

- Кто ты?

- Кузнец.

- Гм... — Комиссар знает, что кузнец лжет, что он — особая статья: это тот, кого разыскивают. Сам Макич тоже знает, что он узнал.

IV

Гремит "оровел" (песнь пахаря).

Пашут.

Во время пахоты беседуют. Левон ставит отца в тупик, сообщив ему, что он, отец, тоже партийный. Ничего так не ненавистно Ата-аперу, как партии, и он обращается к сыну полусерьезно, полусердито:

- Ничего я не смыслю в этих ваших партиях!

В течении пахоты эта и последующие беседы прерываются то песней "оровел", то маленькими неполадками: выпадает цепь, перетянутая над воловьими парами, плуг натывается на твердую породу, возникает необходимость соскабливать лемех и тому подобное.

То там, то тут затягивают песню на различные лады, к песням примешиваются всевозможные возгласы, - и все это создает бодрую скалоочь, какой-то суровый беспорядок, столь похожий на окрестные скалы, ущелья и склон горы, где идет вспашка.

- Погоняй, уже солнце взошло! ... Понукай белого вола, стегни его хорошенько! ... Много жует, да мало работает.

- Точь-в-точь наш поп. — И Пухан понукает вола: - Батюшка, э — эй!...

- Ну-ну! — покрикивает на него Ата-апер.

Пухан умолкает, продолжая паясничать и смешить.

- Ладно, скажем, меньшевик, большевик, - у белых, а эти эсеры кто же будут?

- Они - дашнаки русских, - отвечает Левон.

Уже проложили три-четыре борозды. Плуг то удаляется с грохотом и "оровел" слышится издали, то приближается и показываются головы волов.

Левон замечает, что отец устал.

Соскакивает с ярма, чтобы ухватиться за рукоятку плуга, но Ата-апер не выпускает ее из рук.

- Погоняй, погоняй! ...

- Увезем плуг.

- А ну-ка попробуйте.

Левон подмигивает Пухану, Пухан - третьему, третий - четвертому, и так до последнего пахаря. И одновременно принимающая за умыкание плуга от пахаря.

Это - ускорение пахоты. Ритм усиливается. Волы ускоряют шаги, первая пара даже бежит, и плугарь должен не вынимать лемех из земли. Если вынет — значит плуг отняли у него, и он обязан уступить рукоятку плуга.

Волы наяривают сильнее, Пухан даже вынужден снять с плеча ружье и швырнуть в сторону, - отовсюду несутся веселые крики, Левон скидывает с себя шинель, но они ничего поделаться не могут, потому что разрывается цепь первой пары и плуг останавливается.

Ата-апер стирает ладонью пот со лба и улыбается:

- Не смогли? и не сможете! ... Вам бы только речи держать да ...

И Ата-апер хворостинкой показывает как обучают солдат стрелять.

Пока налаживают цепь первой пары, Левон спрашивает:

- Значит, отец, не одна из партий тебе не нравятся?

- Не одна ... Уж если на то пошло — я кадет! ...

Левон смеется.

- Чтобы был один народ и одна партия ... Вот чего я хочу ... Понукай, понукай! ...

Снова начинается вспашка. Пробуждается песнь "оровел", постепенно удаляющаяся.

Ветер доносит глухую трескотню пулемета. Останавливается плуг. Берут с земли, надевают на плечо ружья и продолжают вспашку.

- Трогай, это не впервой! - ... замечает Ата-апер.

Пулемет умолкает.

Ата-апер поет один, - но только он было затянул песню — неподолеку разрывается снаряд. С огромным грохотом отваливается обломок скалы.

Останавливаются. Переглядываются. Устремляют взоры туда, откуда сорвался и упал в ущелье обломок скалы.

Другой снаряд взорвался совсем недалеко. В поднявшейся пыли ничего не видать, и когда рассеивается пыль — волов уже распрягли, плуг врезался довольно глубоко в землю.

Гонят волов.

Ата-апер глядит в даль.

- Все равно распашу.

Вдали глухо взорвался третий снаряд.

V

Одновременно со вспашкой случается следующее:

Макича выволокли из села, уводят. Руки его крепко связаны за спиной. Впереди едет верхом комиссар, за ним два стражника.

Макич плетется пешком в той же одежде кузнеца, в том же фартуке.

Временами они скрываются в ущелье и тогда виднеется лишь панорама вспашки.

Вот они показались у края глубокого ущелья. В ущелье вьется река. Они спускаются медленно к реке, пересекая кустарник.

Во время первой трескотни пулемета Макич уже был на мосту. Комиссар значительно отошел от него. Макич вдруг делает прыжок и бросается в реку.

Стража и комиссар в замешательстве. Один из них замечает шапку Макича, плывущую на воде, стреляет в нее и бросается к берегу. За ним бегут его товарищи.

Из-под моста выходит Макич и исчезает в кустарнике.

Издали доносится первый грохот пушки.

Макич шагает по кустарнику, волоча за собой концы веревки.

Вот конец веревки зацепился за куст. Макич тащит веревку, но не может освободить ее, - он нагибается и зубами тянет веревку.

Макич скрывается в кустарнике.

VI

Где-то поблизости пастух играет на свирели. Звуки ее приближаются. Вот и ягнята.

Юноша Зильфи, пасущий ягнят, сидя на камне, играет на свирели. Он отнимает от губ свирель, однако музыка продолжается. Зильфи замечает это и вновь начинает играть - и снова отнимает свирель от губ, даже отстраняет ее далеко от себя. Но звуки свирели продолжают. Юноша озирается вокруг.

Из кустарника показывается Макич. Это он насвистывал тот же мотив.

Макич показывает на завязанные руки.

Зильфи развязывает веревки. Макич разгибает сначала кисти, затем локти, и потом вытягивает руки. И вместе с этими движениями

пробуждается в нем радость.

- Ты кто? - спрашивает Зильфи.

- Тсс ... И Макич прикладывает палец к губам.

VII

Во мраке за экраном слышно завывание бури, топот ксней, лязг оружия, какие-то крики, ржание, затем чей-то бас гремит ...

- Привет храбрецам Зангезура!

Сново во мраке глухо и троекратно раздается "ура", затем играет военный оркестр, которого не видно. Оркестр надрывно исполняет "Зейтунский марш".

Открывается экран.

Стоят, выстраиваясь в две шеренги, "пехотные роты" Зангезура: первые внешне напоминают регулярные войска, а за ними стоят отряды самообороны, крестьянские парни - кто в лаптях, кто в меховых папах. За ними в третьем ряду стоят конные отряды Курро Нерсеса, сисианцев, те самые отряды, которые большей частью были укомплектованы из дашнакских "молодцов".

Из глубины, сквозь солдатские ряды приближаются "Спарпет", британский майор Ниббон, полковники Курро и адъютант майора, Гедеон - варжапет и армянский переводчик майора.

Принимающий парад доходит до небольшой площади, где поставлен стол. Видна часть церковной колокольни. Парад проходит на площади, по одну сторону которой - монастырь, по другую - ряд закрытых лавочек. На почтительном расстоянии сгрудились бывшие чиновники, ныне служащие в "Управлении Зангезура", две барышни, одна дама, некий патриот и одна "благотворительная" дама.

Холодно. Но они пришли с тем, чтобы увидеть "дорогого" гостя, - британского майора Ниббона и парад.

Те, что принимают парад, повернувшись лицом к войскам, становятся у стола. На столе крест и евангелие. Священник - старик небольшого роста в облачении и с непокрытой головой - выходит из под сводов колокольни. Склонив голову, майор Ниббон жмет ему руку, а старый священник осыпает его крестным знаменем.

Под колокольный звон первая группа всадников, которые тотчас же спешили, как только начальствующие лица дошли до стола, подходят к столу присяги. Они целуют евангелие и крест. Священник монотонно бормочет какую-то молитву.

Всадники подходят группами по четыре человека.

Один из них остается при конях, трое подходят к столу, затем первый

¹ Спарпет - полководец, военачальник.

из троих возвращается к коням и подходит к столу, тот, что оставался при конях.

Так идут первые четыре. В это время майор что-то говорит по-английски. Слышно только слово "Верден". Переводчик передает полковнику Курро и Спаррапу:

- Зангезур — это природный Верден! ...

- И этот Верден мы не уступим никому! — говорит полковник.

Подходит в том же порядке вторая четверка всадников. В этот самый момент в тылу у всадников среди тех, которые ждут своей очереди, происходит следующее:

- Ладно ... ты поцелуй, а потом плюнь!

- Нет, не стану целовать ...

- Ах, ты ... Ну, не целуй, — только нагнись, покажи, что целуешь ... Ну, что за важность!

- Сказал — Не стану.

- Что же ты, погубить нас хочешь?

Подходит к столу третья четверка.

В эту минуту, рассекая толпу, появляется на площади Смбат, комендант, или, как он сам себя величает — "Смбат, комендант Зангезурский" ... Почему он опаздал? Пьянствовал ли он, или — дело было неотложное, — но только весь его вид, походка, двое его телохранителей в бурках, которые рассекают толпу, но не осмеливаются пройти вперед и лишь расчищают ему путь, — все это показывает, что Смбат — некая сила, реальная сила, более могучая, чем "чернильная душа" Гедеон варжапет. Смбат к майору:

- Доброго здравия

Гедеон шепчет на ухо Курро:

- Как бы негодяй нас не оскандалил!

Майор с любопытством оглядывает экзотическую фигуру Смбата.

К столу присяги подходят те четверо, один из которых уговаривал Левона хотя бы видимости ради поцеловать крест и евангелие. Трое из всадников поручают коней Левону, и сами подходят к столу. Над крестом склоняется тот, который уговаривал. В этом положении он замечает следующее:

Держа за поводья четырех коней, Левон сближает их морды друг к другу. Сам он стсит между ними. Кони обнюхиваются и ржут. Левон кричит на них, и в эту минуту, когда первый воин, поцеловавший крест и евангелие, подходит к коням и теперь его очередь идти к столу (а из-за ржания коней внимание всех было направлено в их сторону), — молодой воин еще больше сближает их морды, они еще с большим остервенением ржут и становятся на дыбы. Тогда Левон выпускает поводья двух коней, те скачут, а он, передав поводья оставшихся двух коней

растерявшемуся от неожиданности первому воину, сам мчится вслед убежавшим коням. За ним бежит так же и другой, которому принадлежал один из ускакавших коней.

- Настоял таки на своем! — кричит первый вслед за убежавшими.

VIII

Сидят майор Ниббон, его адъютант, "Спарапет", Гедеон-варжапет показывая на карте дорогу, полковник Курро говорит:

- Кратчайший путь из Баку в Турцию лежит через Зангезур. Это единственное шоссе...

Переводчик переводит, и вообще в течение всей беседы происходит следующее: нередко переводчик и говорящие беседуют одновременно, поэтому параллельно звучат слова английские и армянские, английские и русские.

Английские слова. Говорит майор. Переводчик:

- Британская миссия заверяет, что поможет Зангезуру патронами, пулеметами...

"Спарапет" в ответ майору:

- Если падет Баку, тогда Зангезур - единственная крепость. В противном случае... красные... британской миссии предстоит много хлопот.

На дворе буря разразилась ливнем. Ветер бьет в окна. Стекла позвякивают. Спарапет и майор смотрят в ту сторону: им показалось, что кто-то постучал в окно.

Полковник подходит к столу. Молчание.

Майор что-то говорит. Понятно лишь слово "большевик", произносимое дважды.

Адъютант:

- По сему майор и предостерегает вас от внутреннего торка, от большевиков...

- О, нет... — и Спарапет презрительно улыбается, — полковник (указывая на Курро) хорошо знает их еще с деникинского фронта.

Майор Ниббон и рад и доволен. Он встает и многозначительно пожимает руку полковнику Курро.

IX

Полковник Курро ходит по комнате. Неподвижно стоит Смбат, «комендант Зангезурский».

Полковник подходит к окну. Ливень. Из окна видны тюремные ворота, высокая стена. На стене съезжился часовой.

Полковник, обращаясь к Смбату:

- И ворота тюрьмы заперты, и стены глухи и крепки, и день и ночь сторожат их часовые, однако-же (и он берет листовку зангезурского подпольного комитета об арестованных коммунистах)... Эр-ка-пе... Зангезурский комитет... Что скажет господин начальник тюрьмы?

Смбат поднимает опущенную голову. Его лицо еще более грозно. И лицо этого человека сказать ничего не умеет. Он может лишь бить, ломать, рубить.

Полковник, как бы нарочно, раздражает его:

- Вам доверили врагов, которые опаснее тюрок...

- Ужо я... - Смбат хочет говорить, но он и пьян и разъярен и вообще не умеет говорить, - ему бы ломать, разбивать, рубить...

И в озлоблении он скидывает бурку, - и стоит огромный мужчина, вооруженный, так дико вооружены были дашнакские хмбепеты.

Смбат бросается вон из комнаты.

X

Комната пулеметной команды. Десять-двенадцать солдат заняты чисткой пулеметов. Среди них и «Медведь», прозванный так товарищами за неуклюжую внешность.

«Медведь» не в духе:

- А я бы сейчас бросил бомбу...

В комнате команды стоит полковник.

Солдаты молча работают.

Полковник кому-то делает указания насчет пулемета и выходит.

За солдатами сейчас же показывается Макич. Он был спрятан в комнате товарищами, когда там находился полковник.

Макич говорит:

- Значит, выступаем... Если эскадрон присоединится - хорошо, если нет...

- Хочешь сейчас выступить? — предлагает «Медведь».

Солдат в очках из-под пулемета достает бумагу и спрашивает Макича:

- Записать?

Макич знаком руки дает знать, что нет.

Постепенно выясняется, что коммунисты команды под видом чистки пулеметов устроили подпольное заседание.

Погрузились в молчание. Думают. Один, по имени Бади, стонет.

- Ну? Хочешь что-нибудь сказать? — спрашивает Макич.

- А что сказать,-Бади оглядывает товарищей: - По ту сторону тюрки, тут-похуже них... Кто же нас избавит? ...

- Братушка Максим,- и «Медведь» поглаживает пулемет.- Мы должны

освободить и себя, и народ... - «Медведь» говорил, вставляя патроны в пулеметную ленту:

- Это полковнику, это - Гедеону, это - комиссару нашего села...
- Другое - нашему, - замечает Бади.
- Это уж вставь ты сам.

XI

Камера тюрьмы.

При тусклом свете лампы видны лица, 5-6 бледных, похудалых лиц. Среди арестованных - Левон, молодой всадник. Он, как и все остальные, слушает Гарегина, члена Зангезурского подпольного комитета. Порою доносится звук цепей. В верхнем этаже-топот ног. Эти звуки умолкают и тогда наступает тишина - страшное безмолвие тюрьмы.

Гарегин предлагает Левону:

- Тебя вызовут на допрос... Скажешь, что тебе ничего не известно... Свали все на меня...

- А ты ?

- Я? Гарегин горько улыбается, - у многих из вас семья, дети, да может еще не выдержите, скажете лишнее, а потом... Ведь все равно, они меня живым не выпустят...

И остальные собираются вокруг него. Из глубины сердца, как слова предсмертной последней воли, Гарегин говорит им:

- Должны все покаяться, что если выйдете живыми, то будете бороться....

- Мы вместе поборемся, - восклицает Левон.

Раздается стук в тюремные ворота. Слышен выстрел из маузера. Арестованные переглядываются. Что бы это могло быть?

Ворота тюрьмы со стороны тюрьмы. Стоит Смбат, опираясь лбом о ворота, чтобы не упасть. В руках у него маузер. Это он стучал в ворота. Это он стрелял.

В небольшую дверцу выглядывает глаз тюремного надзирателя, узнает начальника. Затем надзиратель открывает дверцу, и во двор тюрьмы входит Смбат.

- Что? — вопрошает Смбат в кровавом трансе, вопрошает бессмысленно и тупо, и надзиратель, в ужасе, не знает, что ему ответить.

- Ну! Что же! — и пьяный еле держится на ногах. Показываются еще двое надзирателей, которые боятся подойти. Один из них бежит во внутрь.

- По твоему, кто я?

- Ты... Вы?... Вы — господин начальник тюрьмы...

- Нет, нет... Кто я?

- Вы? — в ужасе пролепетал надзиратель, не зная как отвечать.
- Кто я? — и снова достает маузер. Надзиратель дрожит.
- Не армянин ли... - и бьет рукою по груди.
- Так точно...

- Ну, так отопри мне 7-ю камеру!...

Смбат, шатаясь, входит в тюремное здание.

Полутемный коридор нижнего этажа. Слышны шаги и звон ключей.

Часовой в солдатской форме шепчет в глазок:

- Идет! — и становится у дверей.

Та же камера изнутри. Арестованные волокут к дверям матрацы, подушки, табуретки. Один стоит с табуреткой в руках. Лампу переносят в угол. Гарегин кричит:

- Сядьте на пол!

Трое садятся, прислонясь спинами к двери и к вещам, собранным перед дверью. Один стоит в углу камеры.

- Отопри дверь! — орет Смбат в коридоре. Один из надзирателей пробует ключ. Вставляет в замочную скважину. Из камеры нажимают на дверь.

Гарегин кричит в дверную щель:

- Прекратите безобразия! ...

Снаружи нажимает разъяренный Смбат. Нажимают и надзиратели, хотя двое из них делают вид, будто нажимают.

- Откройте! - воет Смбат.

Снова толкает. Дверь открывается наполовину, но изнутри на нее налегают, и дверь закрывается снова. Смбат отталкивает в сторону надзирателей, а затем отступив на несколько шагов, с разбегу бьет ногой по двери. Дверь открывается шире, но Левон прихлопнул дверь. Он кричит в слуховое окно:

- Изверг! На арестованных силу пробуешь?

Смбат мгновенно просовывает дуло маузера в слуховое окно.

- Выходи ... Товарища убивают! — В казарме гремит голос Макича.

Смбат выстрелил. В казарме погас свет. Стучат в двери. Звенят цепи.

В темноте шум все сильнее.

В казарме трубят тревогу.

- Кого убили? — один вскочил второпях одевается.

- Принесите топор! — кричит обезумевший Смбат, - значит я ... комендант зангезурский и бьется головой об стенку.

"Медведь" наваливает на плечи пулемет.

Здание — "Национального совета Зангезура".

Здесь же штаб "Спарапета", т.е. командующего вооруженными силами Зангезура.

Глухо шумит "Код".

В комнате — полковник Курро, Гедеон и адъютант майора.

Гедеон:

- Да, но почему же без суда, - ведь мы демократическая ...

К Гедеону полковник относится корректно и даже с почтением, как к председателю "Национального совета Зангезура", - поэтому с деланной мягкостью возражает:

- Камера еще не полна... Мы можем привести и других... Судите! Ведь все равно...

Полковник наивно улыбается, глядя на свои руки. Он самодоволен и столь очевидную истину он объясняет Гедеону не без скуки. К Гедеону относится он с оттенком пренебрежения, обычному у военных ко всякому гражданскому чину.

Полутемный коридор. Двери канцелярии. Снуют чиновники, - публика, которая на площади любовалась народом и "дорогими англичанами".

Ата-апер в коридоре. Он растерян. Спрашивает одного из чиновников:

- В которой комнате начальник?

- Здесь все начальники ... Тебе который? Второпях чиновник указывает на какую-то дверь.

У дверей стоит Ата-апер. Все удивленно смотрят на него.

- Который старшой среди вас? - спрашивает Ата-апер.

Его наивному вопросу с улыбкой отвечает полковник Курро:

- А что тебе, апер?

- Ты, что ли? — и вытянув палец, он делает шаг вперед.

- Говори!

Старик умождает, словно хочет собраться силами, ибо то, что он должен сказать, - тяжело и страшно.

И вслед за тем, в тишине, чуть дрогнувшим голосом:

- Выдай сына моего ... труп ...

Тишина сгущается настолько, что даже из соседней комнаты доносится шум "Код"-а. Гедеон прячет глаза. Все поняли, что вошедший, это - отец убитого ночью большевика.

- Его похоронили уже, отвечает мрачно Курро.

- Не хоронили еще, - спокойно отвечает Ата-апер, давая понять, что дескать, "не обманешь" ...

- Ступай апер... мы его похороним! — говорит Курро.

- Это что же? Отец не увидит сына — даже мертвого?

Гедеон хочет что-то сказать, но поймав взгляд полковника, отворачивается к окну.

Полковник встает с места:

- Не тняи, старик... Закон не выдает трупа врага ...

- Что же это за закон, что даже мертвого боится?

- Долго ты будешь болтать?

Полковник встает, но в эту секунду вбегает поручик. Он впопыхах застегивает тужурку.

- В казарме бунт... Пулеметчики идут к тюрьме!

Гедеон вскакивает. Полковник с показательным хладнокровием:

- Тем лучше... Усиленная охрана тюрьмы....

Адьютант бормочет:

- Майор настоятельно предостерегал от внутреннего врага...

На дворе усиливается шум. Полковник предлагает Гедеону пойти убедить воинов, чтобы те вернулись в казарму. Гедеон с трудом произносит:

- Насколько это целесообразно... для вашего авторитета.

Гедеон трусит. Это ясно для полковника. Поручику он предлагает вызвать т. н. "волчьи сотни". Поручик выходит. Полковник продолжает беседовать с адьютантом, делая вид, что будто ничего не произошло.

- А мне даже нравится такая солидарность... Это - качество боевого солдата ...

- Не всегда приятно...

Полковник смотрит на улицу. Там бегут люди.

- Ничего у них не выйдет. На западе - турки, на востоке - турки, на юге- Персия, а на севере пустынные горы.

Вот и Зангезур. Неоткуда им ждать помощи.

Он сердито закрывает окно и, обернувшись, замечает Ата-апера.

-Чего торчишь?

-Как быть, а?... Что же ты мне ответишь?

- Вот тебе ответ! — и полковник дает пощечину.

На губах старика показывается кровь. Но он спокойно и с достоинством произносит:

- А что же народу ответите?

Полковник нервно курит.

Неожиданно со звоном разбиваются стекла окон. Заработал пулемет.

Врывается в комнату поручик:

- Провода перерезаны!

Из смежных дверей входят — "спарапет" и майор Ниббон.

- Полковник! ...

Майор молча смотрит на Ата-апера. Старик смутился. Полагая, что майор "старше всех", хочет подойти к нему, даже снимает папаху, но отступает, услышав незнакомую речь.

Переводчик переводит:

- Майор все это считает недоразумением...

- Конечно, конечно... - спарапет был взволнован.

Полковник раскрывает окно, и с грохотом врываются в комнату крики толпы:

- Давайте убийцу...

Площадь опустела. Военские отряды образовали заслоны на улице. "Медведь" установил пулемет на панели.

Ата-апер, услышав его клич, приходит в себя. Он как будто начинает понимать, что это все произошло из-за его сына. Пятится назад. Спускается по лестнице. на ступеньках старик замечает, как поднимают пулемет на верхний этаж. Он смекает, что затевается нечистое дело.

- Не хотим!

- Пусть говорит, пусть!

- Убийцу! ...

На площади кричат солдаты, а на балконе стоит Гедеон. Он хочет говорить, но ему не дают. Гедеон поднимает руки и просит выслушать его. "Медведь", возмущенный, направляет дуло пулемета к балкону, но в этот момент бежит через площадь к солдатам Ата-апер:

- Погоди!

Макич дает знать "Медведю", чтобы тот не стрелял.

Ата-апер, показывая Макичу пальцем на пулемет "Медведя", кричит:

- Такой же поставили и там...

Поручик осторожно, незаметно для толпы, устанавливает пулемет на балконе. Цель Гедеона - успокоить солдат, но если это ему не удастся, выгадать время для установки пулемета.

- Солдаты!!... Неужели мы все не армяне? Почему зря проливаете кровь? — разглагольствовал он.

Ата-апер кричит:

- А сын-то мой был не армянин?...

- Дайте убийцу, убийцу сюда!... — кричат солдаты.

С балкона начинают стрелять из пулемета.

Солдаты отступают. От неожиданности среди них возникает паника. "Медведь" не двигается с места. Он обстреливает балкон.

- Макич, конница!

Издали несутся "волчьи сотни".

Макич бросает бомбу в сторону балкона. Разрушается болкон, падает пулемет противника, но уже поздно.

На улице отступают, отстреливаются.

Один из солдат вбегает в казарму и притворяется спящим. Другой застегивает пуговицы, смывая с лица кровь.

"Медведь" с трудом налаживает пулемет и собирается продолжить обстрел, но уже все ленты израсходованы. От ярости он хватает огромный камень и сбрасывает в ущелье — в преследователей.

XIII

В глубине леса Ата-апер, Макич и двое солдат. Тут никто их не обнаружит — до того неприступен тайник.

Ата-апер спрашивает Макича:

- И вы все той же веры, что и мой сын?

- Да, отец.

Ата-апер изумлен. Как возникло это братство среди них. Спрашивает одного солдата, спрашивает другого: все из разных мест, у всех — отец, мать, жена — и вот сроднились, да так, что каждый готов пожертвовать собой за товарища.

Братство — это партия.

- Знаю, слышал... Он мне рассказывал, что появился человек по имени Ленин... Говорил, что куда не вступят его войска, там больше не бывает ни войн, ни бедствий... Рассказывал он.

Ата-апер прощается. Обнимает Макича, его товарища и, простирая руки, глядит на небо:

- Потерял одного сына, а скольких нашел...

XIV

Идет один Апер с дубинкой за плечами. Постепенно кончается лес.

Потом он спускается по каменистой тропе. Спускается он и на каждом шагу ступеньки тропы, как клавиши, поют ту же песню пахаря "орвел", что пели вначал.

Песнь возникает глухо и медленно.

Вот это поле и зарывшийся в земле плуг. Ворон улетает с карканьем.

Ата-апер держит за рукоятку плуг.

Песнь усиливается.

Поет сам Ата-апер горькую "орвел", песню одиночества и бедности.

Перед его взором временами встают волны, они тащут плуг над облаком, и земля сгрудилась клубами туч. Временами перед его взором возникают волнующиеся нивы. Единственная мечта Ата-апера: в сумерки плетется плуг — без волов, без плугаря. Стоит Ата-апер. Нет ни нивы, ни волов. Голый склон горы. Старик держит рукоятку плуга.

Он поднимает голову.

Из его глаз капают слезы.

XV

За экраном звуки зурны и барабана.

С верхушки горы сельский глашатай обращается с призывом ко всему

селу, и его призыв отдается грозным эхом в селе, ютящемся в ущелье.
- Эй-э-э! снаряжайте солдат!... Выходите со своим ружьем и хлебом...
Приказ начальства!...

Площадь в селе.

Некто, называющийся Палтонавор*, с жаром беседует с крестьянами, молча рассевающимися на скамейке перед лавкой.

- А кто не хочет, чтоб пришли русские? ...Пришли бы русские, открыли бы путь на Баку и ездил бы я за товаром. Кто не хочет? ...Но в том и дело, что те, которые идут - не русские ...

Крестьяне молчат.

- То же самое написано и тут

Говоривший - сельский учитель, сельский варжапет. Он только что прочел газету и, подойдя, читает вслух:

"Из достоверных источников сообщают нам, что азербайджанские мусаватисты ведут переговоры с большевиками, чтоб объединенными силами повести наступление на Зангезур. Большевики..."

Эта картина постепенно удаляется в глубь и открывается площадь, где уже собрались вооруженные люди, из которых в 1917-18 годах составлялись так наз. "группы самообороны", бесперывно воевавшие против мусаватистов и турецких войск в Зангезуре.

Началась мобилизация, ставшим бытовым явлением. Вот кто-то вступает на площадь, ведя на узду лошадь, нагруженную дровами. Чтоб не возвращаться домой, он захватил ружье заранее, передает узду сыну и, достав из вязанки дров ружье, смешивается с собравшимися на площади. Рядом со вторым стоит его маленький сын. Отец быстро плетет ему лапти из недубленной кожи.

Зурна и барабан гремят на площади.

- Смирно! — командует один из солдат.

Кажется, будто на площадь вступает их начальство, - но солдаты так приветствуют Пухана, сельского клоуна, своего любимого товарища, тоже подлежащего призыву и появляющегося на площади в одежде шута.

- Вольно, госпада офицеры! — кричит он им в ответ.

Грустное настроение сменяется веселым. Пухан подходит к той группе крестьян, которым учитель читал газету. Он кричит, пугая их:

- Какой роты?

- Пухан, говори по телефону и узнай что нового на белом свете, - обращается к нему один из солдат.

"Разговор по телефону" — один из любимых номеров Пухана. Он распутывает конец веревки, обмотанной вокруг его поясицы и снабженной деревянным крючком, - незаметно зацепляет сзади учителя, а сам, быстро кружась, удаляется и разматывает веревку.

* В Зангезуре так называли сельских кулаков.

И вот Пухан, окруженный солдатами, разговаривает по веревочному телефону.

- Центральни, центральни... Баришна джан, Баку, да? Баку... Ай, кардаш Гасан, какие новости от братишки Ивана? Как!... Едет. Когда?... А ведь тут народ погибает... нет хлеба... нет соли... нет керосина... Кардаш Гасан, Баку! центральни Баку, дорогой Баку...

Хохот и звуки барабана заглушают его слова. Пухан пускается в пляс.

- Пухан, пляску богача... кричат товарищи. Пухан пляшет, но вот, в разгар пляски, он останавливает свой взгляд на женщине, как бы окаменевшей со слезами на глазах. Не его ли это мать? Или же это мать одного из солдат, - молча рыдает, провожая сына на фронт.

Пухан кричит музыкантам.

- Мою любимую!...

Играют новый мотив. Пухан пляшет дикую пляску горца. Пляшет и скидывает с себя все атрибуты шута: шапку с бубенчиками, козлиную шкуру, и постепенно перед толпой оказывается прекрасный — юноша, утоляющий горечь жизни в вихре пляски.

Вдруг он останавливает свой взгляд на ком-то. Пухан как будто в ужасе. Знаком руки он сразу прерывает музыку. Водворяется молчание. Испуганные лица крестьян.

На площадь вступает Ата-апер.

В тишине учитель, не замечая что творится на площади, продолжает читать:

"В Туркистане красная армия отступила с большими потерями. Газета "Таймс" пишет, что английские суда обстреляли черноморские..."

Ата-апер медленно подходит, окидывает взором толпу и вдруг, услышав голос учителя, разъяренно говорит:

- А в этой газете написано, что... моего сына в тюрьме... убили?

Одна мать сокрушается; ее не видно, слышны лишь всхлипывания женщины.

- Убили... — постепенно нарастает шум.

Ата-апер кричит:

- Не горюйте... Кто пахаря убил — тому конец!

На площадь ложатся тени. Устрашенные ими крестьяне устремляют взоры наверх, к высоким скалам.

На краю скалы стоят всадники Смбата. Это их тени ложились на площадь. Всадники окаменели в разных позах. Фигура Смбата.

Снизу его замечает Палтонавор и кричит, показывая на Смбата:

- Вот — власть...

Всадники спешиваются и спускаются к селу.

На площади молчание.

- Стройся! — раздается команда.

Выступает вперед конный отряд во главе с командиром. За ними идут мобилизованные. Гремит марш "Зейтуңцы".

Площадь постепенно пустеет.

Посредине площади стоит Смбат, несколько поодаль от него 4-5 маузеристов.

Смбат оглядывает крестьян. Выступает вперед Палтонавор, потом варжапет. Они здороваются с ним.

- Где комиссар села?

Представляется сельский комиссар.

Они вдвоем удаляются.

XVI

Полутемная изба.

При свете лампы старуха мать очищает пшеничную крупу. Больше никого нет в этой убогой избе. Вдруг во дворе раздается лай собаки, слышатся шаги. У дверей стоит Макич.

Мать узнала сына. Обнимает его.

- Почему пришел ...Уходи, уходи из этих мест ...Уходи, спасай голову...

- Тебя мучили?

- Меня? ... Мать силится улыбнуться, но слезы подступают к горлу ...

- Ничего... лишь бы ты избавился...

Вдруг мать смекает, что сын, может быть, голоден. Предлагает есть, поотдохнуть, даже сменить белье.

- А если вдруг войдут ..

- Вот тут спрячешься, - и она показывает на занавес.

- А если увезут тебя, избьют и скажут: признайся, где он?

Мать верит словам сына. Она боится.

- Скажу, скажу... Уходи, уходи, сынок! Уж больно безжалостны нехристи.

Макич из-под камня очага достает два револьвера. Мать удивленно глядит на него, - она не знала, что под камнем сын прячет оружие.

- Макич

- Что?...

Мать хочет что-то сказать ему, но боится. Сын настаивает, и она спрашивает:

- Говорят, ты принял мусульманство....

- Кто говорит?

- Попадья.

Макич обнимает мать.

- Моя бедная нани... бедная моя матушка... — и выходит.

XVII

В пещере расселись крестьяне. Некоторые из них ели виднеются при тусклом свете очага.

Смбат через комиссара сообщил крестьянам, что если они не укажут место дезертиров, все село будет наказано. Среди крестьян Ата-апер и Палтонавора. Последний говорит о том, что не следует противиться правительству, необходимо спасти село, и, значит, надо обнаружить "беглецов".

- Где я их найду и почему мне их найти?
- У них и оружие, и войско, - пусть разыщут, чего же хотят от меня?
- Сына моего взяли в солдаты, меня - рыть окопы, отняли у меня лошадь, - а теперь хотят, чтоб в ущельях людей разыскивал?

Так говорят крестьяне.

Вдруг открывается дверь. Перед дверью стоит Макич. Ата-апер поднимается с места.

Крестьяне удивлены.

- Ну, вот, и я! Выдайте!

Макич смотрит на Ата-апера, спрашивает Палтонавора:

- Ты отвечаешь за его кровь?
- Ну? - Палтонавора прижимается к стене. - Я? ... ничего не говорю. Общее молчание.
- Не сегодня-завтра придет Красная армия ... Нас там знают. Придут и спросят, а где наши?

- Спросят, обязательно, спросят, - льстиво вставляет Палтонавора.
- Кто предал их! - скажут - Давай его! Понял?
- Понял
- Так пойми и то, что если кто из наших жен, матерей и отцов пострадает, - вина ложится на тебе ... Вот, при свидетелях говорю.
- Я? - и Палтонавора вконец сбился с толку.
- Неужто мы дадим? Им еще жить! ... - раздаются голоса из толпы. Макич исчезает.

Продолжение следует